

Печать графа Салтыкова из собрания отдела нумизматики Государственного Эрмитажа

В 1978 г. через закупочную комиссию Эрмитажа была приобретена резаная на сердолике печатка в форме усеченной пирамиды со срезанными углами. Размеры печати: 30 x 25 мм. Ранее она несомненно имела оправу и рукоять (см. вкладку, ил. 107).

На матрице помещено изображение четырехчастного герба графов Салтыковых¹. В среднем щите, увенчанном графской короной, – герб рода Салтыковых (польский герб Солтык): в золотом поле – одноглавый орел с распростертыми крыльями и выходящей из правого плеча одетой в латы рукой с мечом².

Главный герб имеет следующие изображения: первая и четвертая части разрезаны диагональю на два поля, черное и золотое. В первой части изображен двуглавый орел, а в четвертой – шестиконечная звезда, переменных с полями цветов. Во второй части, в лазоревом поле – шлем с тремя перьями, в третьем поле – шпага, обращенная острием в правый угол и обвитая лавровой ветвью.

Щит увенчан графской короной с девятью жемчужинами с двуглавым орлом над ней.

Под щитом расположены орденские знаки: в центре – мальтийский крест с короной на ленте черного цвета, справа – знак ордена Святого Александра Невского формы конца XVIII в. на ленте без обозначения цвета и слева – знак ордена Святой Анны (голштинской формы) на ленте, также без обозначения цвета, но с обозначением на ней боковой полосы.

Щит наложен на восьмиконечную орденскую звезду. Щитодержатели – два единорога, стоящие одной ногой на ленте с девизом: «За верность, усердие и труды».

¹ О роде Салтыковых см. например: *Петров П.Н.* История родов русского дворянства. Ч. 2. СПб., 1886. С. 250–251.

² Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи (далее ОГ). Ч. 7. СПб., 1803. № 28; *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 292. § 91. № 236.

Все вышеизложенное с небольшими отступлениями соответствует описанию герба, помещенного во вторую часть «Общего гербовника»³: орел в среднем щитке должен быть коронован, на печати корона отсутствует, зато есть корона над самим щитком, хотя ее изображать не полагалось. Двуглавый орел первого поля не имеет на печати своих клейнодов; и, наконец, в описании герба в гербовнике над графской короной, венчающей щит, помещен турнирный шлем, «увенчанный по достоинству и держащий на себе черного орла», на печати такого шлема нет, как нет и намета.

Уже при первом знакомстве с печаткой обращает на себя внимание виртуозная работа мастер-резчика, его вкус и высокий уровень художественного исполнения. Графически четко прорисованы поля, изображенные на них фигуры и орденские знаки под щитом, пластично, мягко струящиеся шелковые ленты орденов; причудливо брошена лента с девизом, замыкающая композицию снизу, одновременно своими загнутыми внутрь концами дающая опору и переводящая взгляд на фигуры щитодержателей – единорогов, живых, грациозных существ с тонкими упругими ногами, прекрасно моделированной мускулатурой, с развевающимися хвостами и гривами. Они как бы замерли, остановленные мастером в момент напряженного бега и поднялись на дыбы по обе стороны герба, грациозно положив передние копыта на концы звезды и боковые стенки щита.

Кому же из рода Салтыковых могла принадлежать печатка?

Графский титул и подходящий набор орденов имели два человека из этого рода.

Это, во-первых, граф Иван Петрович Салтыков (1730–1805), фельдмаршал и всех российских орденов кавалер, сын графа Петра Семеновича, фельдмаршала, победителя при Кунерсдорфе. Эта линия имела графское достоинство с 1732 г.

И.П. Салтыков получил при Петре III орден Святой Анны, при Екатерине II – ордена Святого Александра Невского, польский Белого Орла (1768 г.)

Ил. 1. Герб графов Салтыковых из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (Ч. 2. СПб., [1800]. № 15).

³ ОГ. Ч. 2. СПб., [1800]. № 15.

и Святого Андрея Первозванного (1782 г.)⁴. За боевые заслуги в действиях против турок в 1770-е гг. он был пожалован бриллиантами к ордену Святого Александра Невского и орденом Святого Георгия 2-й степени (первая турецкая война и переход через Дунай, 1775 г.). За действия под Хотинском в 1788 г. И.П. Салтыков был награжден орденом Святого Владимира 1-й степени (1789 г.), а за действия в Финляндии против шведов (1790 г.) получил алмазные знаки ордена Святого Андрея Первозванного.

После воцарения Павла I в 1796 г. он был произведен в генерал-фельдмаршалы и назначен генерал-инспектором над всей кавалерией; в 1797 г. переведен генерал-губернатором в Москву, в каковой должности и оставался до 1804 г.

Вторым владельцем печати может быть Николай Иванович Салтыков (1736–1816). Как известно, в царствование Екатерины II он был генерал-аншефом, первоприсутствующим в Военной коллегии.

В 1766 г. Н.И. Салтыков был награжден орденами Святой Анны и польским Белого Орла (1765 г.), а в 1769 г. – орденом Святого Александра Невского⁵.

В 1773 г. он был назначен обер-гофмейстером великого князя Павла Петровича и сопровождал его во время путешествия, сменив Никиту Ивановича Панина. По возвращении из путешествия как флигель-адъютант Екатерины II он был удостоен ордена Святого Андрея Первозванного, а в 1783 г. назначен воспитателем великих князей Александра и Константина.

В 1788 г. Н.И. Салтыков был награжден орденом Святого Владимира. В краткой справке о роде приводятся данные только о Н.И. Салтыкове с упоминанием, что диплом на графское достоинство был пожалован ему 4 марта 1792 г.⁶

А. Клейншмидт называет его ловким царедворцем, невидимым чловечком, умело шпионившим за великим князем и доносившим о нем его матери⁷.

⁴ Об орденах И.П. Салтыкова см: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Историческое собрание списков кавалерам четырех российских императорских орденов: Св. апостола Андрея Первозванного, Св. великомученицы Екатерины, Св. благоверного великого князя Александра Невского и Св. Анны с самого учреждения их до 1797 г. (с приложением статутов). М., 1814. С. 300, 214, 122; *Левин С.С.* Орден Святого апостола Андрея Первозванного (1699–1917). Орден Святой великомученицы Екатерины (1714–1917): списки кавалеров и кавалерственных дам. М., 2003. № 241; *Степанов В.С., Григорович П.И.* В память столетнего юбилея императорского Военного ордена Святого великомученика и победоносца Георгия (1769–1869). СПб., 1869; *Kawalerowie Statuty Orderu Orła Białego 1705–2008.* Warszawa, 2008. № 522.

⁵ Об орденах Н.И. Салтыкова см: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Указ. соч. С. 305, 220; *Левин С.С.* Указ. соч. № 242; *Kawalerowie Statuty Orderu Orła Białego 1705–2008.* № 511.

⁶ Ог. ч. 2. СПб., [1800]. № 15.

⁷ *Kleinschmidt A.* Russlands Geschichte und Politik dargestellt in der Geschichte des russischen hohen Adels. Cassel, 1877. S. 163.

Несмотря на это, Павел пожаловал ему в 1796 г. фельдмаршальский чин, а в 1799 г. назначил поручиком великого магистра Мальтийского ордена вместо графа Литта. При Александре I Н.И. Салтыков остался на высоте положения и в 1812 г. стал председателем Государственного совета и Комитета министров. На него Александр I возлагал управление государством во время своего отсутствия.

31 августа 1814 г. Н.И. Салтыков был возведен в достоинство светлейшего князя Российской империи.

Герб князей Салтыковых помещен в девятом томе «Общего гербовника»⁸.

В коллекции сургучных оттисков с печатей конца XVIII – начала XIX в., хранящейся в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа, есть несколько оттисков с печатей графа Салтыкова. Для сравнения с нашей печатью интересны два – один овальный с изображением родового гербового щитка, наложенного на мальтийский крест, и второй также овальный, снятый с большой печати. Здесь изображены все ордена, которых был удостоен Николай Иванович Салтыков: и орден Святого Андрея Первозванного с цепью, и польский орден Белого Орла на голубой ленте, и орден Святого Владимира, и два знака Мальтийского ордена, очевидно указывающие на высокое положение в ордене ее владельца, а также жезлы фельдмаршала. Печать, которой был сделан этот оттиск, была изготовлена после марта 1799 г. и могла принадлежать только Николаю Ивановичу Салтыкову. Изображение на оттиске изобилует большим количеством мелких деталей, она более пышная, чем сердоликовая печать, приобретенная в собрание отдела нумизматики Государственного Эрмитажа в 1978 г.

Тем не менее сравнительный анализ оттиска и печати позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что печать, приобретенная для эрмитажного собрания, принадлежала Н.И. Салтыкову.

Ил. 2. Герб князей Салтыковых из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (Ч. 9. СПб., 1816. № 2).

⁸ ОГ. Ч. 9. СПб., 1816. № 2.

Изготовление и изготовители геральдических печатей в России конца XVIII – первой половины XIX в.

В кругу предметов дворянского быта, которые могли нести на себе геральдические изображения, личная гербовая печать была предметом, возможно, наиболее значимым, необходимым практически любому взрослому правомочному представителю благородного сословия, обладающему гербом. Обращение к стратегиям ее использования неминуемо сталкивает нас с целым комплексом не вполне еще изученных проблем. Это и прикладные аспекты, связанные, например, с методами музейной атрибуции, и вопросы академического характера – о степени проникновения геральдики в жизнь и быт мелких и средних помещиков, составлявших основу сословия, и, шире, о социальном облике этих лиц, их мироощущении и отношении к сословным ценностям. Специфичность темы и ее крайне бедное отражение в источниках делают ценным выявление любых, даже, на первый взгляд, второстепенных документированных закономерностей бытования дворянских печатей. Одной из них посвящен данный очерк.

Проблему удобно рассматривать на примере некоей конкретной дворянской корпорации и конкретного региона. Таковым избрана Тверская губерния – типичный регион Центральной России, характеризующийся тесной географической близостью к Москве и обладавший обширной прослойкой постоянно проживавших в нем дворянских семей. По данным, относящимся к 1847 г., но относительно стабильным на протяжении многих лет, потомственное дворянство губернии, включая не только помещиков, но и беспоместных и приезжих служащих, насчитывало около 7000 человек обоего пола. Среди них владельцев ста и более душ насчитывалось 1471, прочих было 5535¹. На первый взгляд, губернская дворянская корпорация даже сама по себе образовывала для производителей гербовых печатей обширную потенциальную клиентуру. К таковой, добавим, отчасти следовало бы отнести и личных дворян, которые, не обладая гербами, по своим поведенческим стандартам ориентировались на дворян потомственных, в доступных формах воспроизводя их опыт, в том числе и в сфере пользования печатями. Прослойка личных дворян неуклонно росла и составляла в это время около 3000 человек. Кроме того, весьма значительно, почти втрое, увеличивают

¹ Памятная книга по отчету за 1847 год по Тверской губернии. Тверь, 1848. С. 109.

указанный круг потенциальных потребителей печатей представители других сословий, остающиеся за пределами нашей темы, но также употреблявшие в быту печати с эмблематическими композициями и вензелями – купечество и духовенство. Какими же местными силами мог удовлетворяться данный спрос?

По характеру задач, стоявших перед мастерами при производстве печатей, поддаются вычленению три основных потребительских ниши: 1) печати для учреждений; 2) респектабельное официальное производство для частных лиц; 3) маргинальная индустрия, выпускавшая массив низкокачественного товара для низших потребительских групп. Выясняется, что без мастеров, способных обслужить первые два из указанных направлений, Тверской губернии удавалось обходиться десятилетиями.

Потребность в казенных печатях, несших на себе государственный герб или гербы городов, с конца XVIII в. удовлетворялась в рассматриваемом регионе единственным способом, который уверенно реконструируется по сохранившимся документам. На первой стадии заявки казенных учреждений, городских обществ и сословных корпораций аккумулировались губернским правлением. Обязательным условием, фигурирующим в сопроводительной переписке, было предоставление «рисунков» (эскизов). Далее заявки пересылались в Тулу, где местная казенная палата размещала заказ среди мастеров Императорского оружейного завода. Впервые о данной схеме известно применительно к 1785 г., когда губернское правление осуществило «зделание во все присудственные места стал[ь]ных печатей»². Следующей была несколько затянувшаяся кампания по производству 13 печатей для городских дум. Началась она в 1788 г.³, но в связи с инертностью некоторых городских общин последние печати поступили на места только в 1791 г.⁴. В дальнейшем тот же порядок, как можно понять, воспроизводился при необходимости. Заметна, например, операция по замене гербовых печатей в связи с включением в состав государственного герба креста Святого Иоанна Иерусалимского. О ней и некоторых других кампаниях пока известно только по изменениям в иконографии отрисовок печатей при сохранении, однако, их технических и стилистических параметров, выдающих прежнего производителя.

Печати, поступавшие из Тулы, были стальными, отличались хорошим качеством и служили долго. Даже в ситуации, связанной с изъятием мальтийского креста из государственного герба, замены этих добротных изделий не произошло. Например, в 1810-х гг. большая гербовая печать Тверской казенной палаты все еще несла на себе данное изображение, утратившее

² Государственный архив Тверской области (далее ГАТО). Ф. 174. Оп. 2. Д. 169. Л. 1.

³ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 172. Оп. 1. Д. 4324. Л. 5.

актуальность за десять лет до того. В документах губернского правления (правда, второстепенных) печать с мальтийской символикой встречается даже в 1831 г.⁵

Уездные присутственные места пользовались печатями, изготовленными в XVIII в., по меньшей мере, до конца 1820-х гг. Нередко встречающиеся в документах оттиски этих изделий, сделанные копчением, позволяют заметить, что, будучи выполненными для разных городов, они соответствуют одному стандарту и явно вписываются в понятие серии. Матрицы этих печатей были довольно крупными, имели одинаковый размер (около 4 x 3 сантиметра), форму в виде вертикального овала и единообразное оформление, в соответствии с которым герб заключался в барочный картуш. Хотя тульским мастерам и были предоставлены эскизы, курьезных переосмыслений тверской геральдики с их стороны избежать не удалось. Интерпретация ими герба города Старицы, известная, в частности, по оттиску печати Старицкой уездной дворянской опеки⁶, далека от канонической версии, предполагающей изображение «старицы» с клюкой – старухи или монашенки. На тульской печати женщина на гербе также держит клюку, но силуэт ее платья, характерная высокая прическа и даже каблучки на туфлях соответствуют, скорее, дворянской моде XVIII в.

Таким образом, казенные заказы – редкие и размещавшиеся за пределами губернии – не могли создать дополнительных условий для того, чтобы труд местных резчиков печатей стал востребованным. О состоянии этого промысла в Тверской губернии говорит тот факт, что официально практикующих цеховых резчиков печатей, которым можно было дать ответственный заказ – как казенный, так и частный – и с которых можно было при случае спросить, здесь не было. Во всяком случае, их устойчивое, а не спорадическое присутствие на местном рынке не подтверждается пока никакими документами.

Некое предложение услуг и некие мастера в губернии все же существовали, но в рамках подпольной и отчасти крими-

Оттиск печати Старицкой дворянской опеки. 1780-е гг. (?).

⁵ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 27736. Л. 14 об.

⁶ Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 1229. Л. 5 об.

нальной индустрии – незаконного предпринимательства, не обложенного сборами, не контролируемого цехом и ремесленной управой, не дающего заказчику никаких гарантий. Когда один из таких мастеров, некий Василий Лебедев, совершил попытку легализоваться, наведение справок показало, что «поведения он не трезвого и доверия [...] заслуживать вовсе не может, потому что он не точен в исполнении делаемых ему поручений, на что неоднократно приносимы были от разных лиц жалобы, по которым он весьма часто находился в полиции, нередко даваемые ему для резьбы вещи в нетрезвом виде закладывает в посторонние руки, а в случае утраты вещей вознаградить за оныя ничем по бедности свое не может»⁷. Официальный же резчик был связан не только цеховой дисциплиной и денежными поручительствами, но и находился под особым контролем властей. Положение мастера, наделенного таким статусом, косвенно иллюстрируется фразой из романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858 г.), относящейся к резчику печатей – соучастнику подлога: «Резчик тоже умно показывает. Хорошо старичок говорит [...]. Печати, говорит, действительно для князя я вырезывал, но гербовые, для его фамилии – только. Так как, говорит, по нашему ремеслу мы подписками даже обязаны, чтоб казенные печати изготовлять по требованию только присутственных мест, каким же образом теперь и на каком основании мог сделать это для частного человека?»⁸. Заметный в данном отрывке криминальный аспект изготовления печатей, отчасти объясняющий отсутствие у местных мастеров интереса к легализации, в том и состоял, что данная индустрия была тесно связана с подделкой документов. И если нам что-то известно о ней, то именно благодаря эпизодам, попадавшим в сферу внимания полиции.

Упор в подпольном производстве, за исключением заказных фальшивок, делался в значительной степени на готовую продукцию, то есть на незамысловатые печатки с типовыми изображениями – простейшими эмблемами вроде почтовых голубков или надписями неличностного содержания. Пример о выпуске печаток такого рода в Твери можно найти в показании по делу о фальшивых видах на жительство. Подтверждая следствию, что обвиняемый действительно занимается резьбой, свидетель сообщал, что, ночуя дома у некоего отставного солдата, видел, как тот «вырезал на беловатом каком-то камне печать, изображающую два пера крестом»⁹. Еще одно показательное свидетельство указывает на технику реализации этих поделок и основной контингент покупателей. В свидетельских показаниях, относящихся к 1848 г., сообщается: «Печать была куплена мной в городе Клину у какого-то приезжего из Твери мещанина [...], печатей с ним было

⁷ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 10129. Л. 17 об. – 18.

⁸ Писемский А.Ф. Сочинения. Т. 3. М., 1956. С. 428.

⁹ ГАТО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 327. Л. 153.

много, которые покупали у него клинские мешане. Кто он такой, где стоял в Клину, я не знаю, и от него ходил поляк Егор, а прозвания не знаю, и спрашивал, кому надо печатей – и когда я вздумал купить, то Егор повел меня в поле, куда вышел и мешанин с печатями, который показал мне в сумке более двадцати сделанных печатей, и я купил одну, заплатив ему полторы рубли серебром»¹⁰. Товар, таким образом, продается из-под полы, стоит недорого, а его потребителями выступают в основном городские низы.

Качественно выполненная гербовая печать, в отличие от такой печати – товар ответственный, дорогой и изготавливаемый только на заказ. О степени сложности данного дела свидетельствует реклама в изданиях конца XIX в., которая, при всей относительности данного сопоставления, обозначает показательную тенденцию. Рекламные модули в «Ниве» сообщают, что нанесение герба на заказанную печать в зависимости от сложности его композиции повышало стоимость работы от шести до десяти раз: при цене самой печати от 1 рубля 20 копеек до 3 рублей герб на ней стоил до 12 рублей. Необходимо заметить, что цеховые мастера, в принципе способные к тонкой обработке металлов, в Тверской губернии первой половины XIX в. имелись, хотя и в небольшом количестве. Все они, не только ювелиры, но и прочие, вплоть до слесарей, были объединены в рамках местного серебряного цеха. Но когда в 1844 г. по запросу губернатора выяснялся вопрос, способен ли кто-то из них делать гербовые печати, то «из среды собранных ремесленников для вырезки печатей никого не оказалось»¹¹. Для этого занятия недостаточно было просто уметь работать с металлом. Официальному резчику печатей следовало обладать дополнительными навыками, которые никому из тверских мастеров выработать не пришлось.

О том, что нужно было уметь цеховому резчику, и о механизме допуска к профессиональной самореализации известно благодаря эпизоду с вышеупомянутым Василием Исаевым Лебедевым. Это был крепостной из Новгородской губернии, который, по стечению обстоятельств имея шанс получить волю, в ожидании судебного решения жил в Твери в 1840-х гг. и кормился работой по камню и металлу. В 1844 г. он объявил свое умение изготавливать печати и подвергся испытанию, положенному для записи в цех, то есть доказал свое мастерство в присутствии старшин цеха и членов ремесленной управы. Оттиски изготовленных им печатей были приложены к архивному делу, где сохраняются и поныне¹², в связи с чем требования к мастеру и качество его труда доступны современному исследователю.

Программа испытания В.И. Лебедева включила изготовление печатей стандартного размера, от двух до трех сантиметров в диаметре, из трех ос-

¹⁰ ГАТО. Ф. 674. Оп. 1. Д. 327. Л. 72.

¹¹ Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 10129. Л. 12.

¹² Там же. Л. 13.

новых материалов – на стали, на меди, на камне. Были представлены композиции трех иконографических типов, которые, видимо, понимались экзаменаторами как главные: это дворянская печать с гербом (в данном случае изображен реально существующий герб Козловых, представители которого имелись и в Тверской губернии), печать с эмблематической композицией и вензелем, дворянская печать с вензелем (см. вкладку, илл. 108–110). Следовало продемонстрировать и понимание фалеристической атрибутики. Всего на двух дворянских печатях – с гербом и условно трактованным вензелем – мастер показывает умение изображать пять видов наград (крест, крест с мечами, крест с бантом, крест с короной, медали), а также наградное оружие. Требования к соискателю, таким образом, были довольно высоки.

С технической точки зрения испытание В.И. Лебедева завершилось успехом. Достойно внимания, что, судя по его подписи под оттисками своих изделий, рука мастера была твердой только при изготовлении печатей: резал он ровнее, чем писал. Но помимо профессиональных стандартов существовали еще стандарты социальные, и неопределенное правовое положение В.И. Лебедева, финансовая несостоятельность, плохая репутация и отсутствие поручителей не позволили ему занять место цехового мастера. Примечателен пиетет к ремеслу резчика печатей, заметный, в частности, в словах полицмейстера, возражавшего против приема В.И. Лебедева в цех: «Он должен вести себя благочинно, быть трудолюбивым и хорошего поведения; напротив, он по нетрезости своей не только не имеет сих качеств, но даже по важности ремесла может причинить вред»¹³.

Других лиц, желающих совершенствоваться в сложном и ответственном ремесле, и при этом отвечающих всем нормам, не находилось. Отсутствие предложения услуги позволяет предположить отсутствие сколько-нибудь заметного спроса на нее. О практической ненужности для губернии резчика печатей сделало вывод само Министерство внутренних дел. Тверской губернатор А.П. Бакунин, который все же считал полезным иметь под рукой такого специалиста, ходатайствовал в Петербурге о дозволении, в виде исключения из правил о черте оседлости, поселиться в губернском городе витебскому мещанину Соломону Соломону, готовому заняться здесь производством печатей. Отказ, подписанный лично министром, мотивировался тем, что «заготовление печатей не относится к разряду потребностей вседневных и непременно местных, ибо печати с лучшей выгодой можно заказывать как в казенных художественных заведениях, так и у частных резчиков в Санкт-Петербурге, Москве и Туле»¹⁴.

¹³ ГАТО. Ф. 466. Оп. 1. Д. 10129. Л. 20.

¹⁴ Там же. Л. 29.

А.В. Зимирев

Сфрагистические практики сибирских губернаторов в первой половине XIX в.

(гербовые печати М.В. Лодыженского и А.С. Листовского)

В фондах Государственного архива Алтайского края нами были обнаружены новые частные печати, которые представляют интерес не только для истории отечественной сфрагистики, но являются также ценными источниками по родовой геральдике России. Это печати двух сибирских гражданских губернаторов первой половины XIX в. – тобольского М.В. Лодыженского и пермского А.С. Листовского.

Первый оттиск, неплохой сохранности и размером 26 x 31 мм, выполнен на сургуче красного цвета¹. Он датируется 25 января 1841 г. и скрепляет документ о прогоне лошадей. На оттиске имеется надпись: «Исправляющий должность тобольского гражданского губернатора Ладыженский». Благодаря дате и подписи бесспорно устанавливается авторство документа.

Михаил Васильевич Лодыженский (Ладыженский) происходил из старинного дворянского рода. В июне 1840 г. он получил чин статского советника и был назначен тобольским гражданским губернатором. К этому моменту М.В. Лодыженский занимал должность начальника пограничного управления сибирскими киргизами. На посту губернатора он проводил работу по улучшению деятельности чиновничьего аппарата, усилил контроль за сбором податей и недоимок. В 1844 г. был переведен из Тобольска и назначен председателем пограничной комиссии в Оренбурге². За службу его пожаловали несколькими орденами: Святой Анны 4-й степени, Святого Станислава 1-й степени, Святого Георгия 4-й степени, Святой Анны 1-й степени с мечами, Святого Владимира 2-й степени с мечами, Святой Анны 3-й степени с бантом³. Умер М.В. Лодыженский в 1875 г.

На печати, обнаруженной в Государственном архиве Алтайского края, изображен официальный вариант его герба (см. вкладку, ил. 111). Щит французской формы разделен на 4 части. В первой четверти на пурпуровом поле помещено скачущее обращенное влево серебряное животное (конь,

¹ Государственный архив Алтайского края (далее ГААК). Ф. 2. Оп. 1. Д. 4001. Л. 346.

² Софронов В.Ю. Культурное наследие Сибири: биограф. справ. Екатеринбург, 2008. С. 332–335.

³ Ладыженский Михаил Васильевич // Список генералам по старшинству. СПб., 1865. С. 284, 285.

единорог или олень?); во второй четверти первое поле красное, второе – бордовое, третье – серебряное; в третьей четверти – серебряный полумесяц с человеческим профилем, обращенный влево. Четвертая четверть на оттиске разрушена. Щит покрыт дворянским шлемом с дворянской короной на нем. Щит обрамляет военная атрибутика – знамена, штандарты, сабли, пушки, барабаны, копыя. Снизу к щиту на перевязях подвешены награды, часть из которых смазана.

Цвета полей определяются исходя из шраффировки: пурпуровый, он же бордовый – диагональными линиями слева направо, красный – вертикальными линиями, серебряный графически никак не отмечается.

Руководствуясь правилом геральдики о том, что финифть на финифти не накладывается, скачущее обращенное влево животное, которое трудно точнее идентифицировать из-за смазанности деталей, имеет металлический цвет. Поскольку на нем нет графического изображения цвета (либо оно не видно), то животное – серебряное. Также нет шраффировки и на полумесяце. Как правило, планеты, звезды, светила изображаются только металлами. Если допустить, что полумесяц выполнен в металле и не имеет графической штриховки, то он является серебряным.

Во второй четверти было определено три поля, так как изначальное предположение, что среднее поле – это перевязь справа, вошло в противоречие с правилами геральдики о цвете герба. Среднее поле второй четверти имеет штриховку пурпуровой финифти, а первое поле – червленой. Третье поле во второй четверти штриховки не имеет. Если допустить, что она смазалась и третье поле является частью первой, а второе поле – перевязь справа, то получается наложение финифти на финифть, что нарушает правило. Если же считать третье поле самостоятельным, из-за отсутствия штриховки серебряным, то во второй четверти имеется три поля – два финифтевых и одно металлическое.

В третьей четверти штриховка поля смазалась. Оно, скорее всего, выполнено в финифти, поскольку полумесяц был определен как металлический. Точнее сказать о цвете поля нельзя.

Герб М.В. Лодыженского мало напоминает родовой герб Лодыженских, внесенный в «Общий гербовник дворянских родов»: щит четверочастный, в первом голубом поле два золотых брус-

Ил. 1. Герб Лодыженских из «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи» (Ч. 2. СПб., [1800]. № 49).

ка и стрела, летящая сквозь них диагонально от правого верхнего к левому нижнему углу; во втором и третьем красных полях по серебряной лилии, в четвертом голубом поле серебряный олень с ветвью во рту, бегущий из золотого леса. Кроме того, в официальной версии имеется нашлемник, отсутствующий на печати (три страусовых пера)⁴.

Следующая печать стоит на документе о прогоне лошадей от Перми до Кольвано-Воскресенских заводов, по которому возвращавшемуся из Грузии обер-штейгеру Мельникову с мастеровыми и их семействам должны были без задержки давать 18 лошадей. В документе имеется следующая подпись: «Статский советник, Пермской палаты уголовного суда председатель, исправляющий должность гражданского губернатора и орден Святого Владимира 3 и Анны 2 степени кавалер Листовский»⁵.

Андрей Степанович Листовский в 1803 г. был городничим в Екатеринбурге, надворным советником, в 1806 г. – советник Пермского губернского правления, надворный советник, в 1812–1822 гг. упоминался с чином статского советника (и надпись на оттиске полностью опровергает встречающееся в литературе ошибочное утверждение, что в 1821 г. он имел только невысокий чин титулярного советника). В 1812 г. А.С. Листовский занимал должность председателя Пермской уголовной палаты⁶.

Ил. 2. Герб рода Листовских (Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914. Табл. LIII).

Обнаруженная в архиве его сургучная печать красного цвета размером 33 x 40 мм. датируется 12 августа 1820 г. В то время должность пермского гражданского губернатора исполнял А.С. Листовский, и печать, несомненно, принадлежит ему. На ней изображен герб рода Листовских, принадлежавшего к малороссийскому дворянству (см. вкладку, ил. 112). Он относится к числу неутвержденных, поскольку никогда не был санкционирован верховной властью.

Изображение герба содержится в «Малороссийском гербовнике» В.К. Лукомского и В.Л. Модзалевс-

⁴ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 2. СПб., [1800]. № 49.

⁵ ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2361. Л. 508.

⁶ Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. М., 2001. С. 482.

кого⁷, там же приводится его описание: «Щит: в голубом поле якорь и меч в Андреевский крест»⁸.

Шраффировка на печати подтверждает, что поле щита голубое, а отсутствие таковой на якорь и меч указывает на то, что они серебряные. Намет выполнен в виде лаврового венка, который венчает дворянская корона. К щиту на лентах подвешены ордена владельца – Святого Владимира 3-й степени и Анны 2-й степени, а вот посередине висит, на наш взгляд, масонский знак – в круглом поле вписан треугольник с глазом, так называемое «Всевидящее око» или «лучезарная дельта». При большом увеличении четко виден треугольник, глаз лишь обозначен, можно разглядеть даже лучи. Можно, конечно, утверждать, что автор выдает желаемое за действительное, но в пользу масонского знака говорит то, что А.С. Листовский состоял в масонской ложе «Золотой ключ»⁹, а первые масоны появились в Перми в 1780-х гг.

В Интернете было найдено изображение герба рода Листовских в цвете (см. вкладку, ил. 113), что подтверждает правильность определения шраффировки печати¹⁰.

Обнаруженные в архиве печати М.В. Лодыженского и А.С. Листовского расширяют представления современной науке о сфрагистических практиках, которые существовали среди высшей бюрократии Сибири, а также позволяют уточнить особенности геральдической культуры русского дворянства в первой половине XIX в.

⁷ Лукомский В.К., Модзалевский В.Л. Малороссийский гербовник. СПб., 1914. Табл. LIII.

⁸ Там же. С. 97.

⁹ Серков А.И. Указ. соч. С. 482.

¹⁰ Листовские, дворянский род https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/68/POL_COA_Listowski_II.svg (последний визит 22 июля 2018).